

■ ЗАКОН СИЛЬНОЙ

Криминальное соло Марины Крамер

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ КРИМИНАЛЬНОЙ МЕЛОДРАМЫ

МАРИНЫ КРАМЕР

Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут
Все оттенки желаний
Привилегия женщин
Тайны взрослых девочек

Сериал «Журналистка из Изумрудного города»

Жить на свете стоит
Умереть, чтобы жить

Сериал «По прозвищу Щука»

Я не ангел
Не верь, не бойся, отпусти
Соблазны Снежной королевы
Закон ее прошлого

Сериал «Кодекс жены самурая»

Три женских страха
Дочь мафии
Жена самурая
Последнее японское предупреждение
Школа выживания волчицы

Сериал «Черная вдова Марина Коваль»

Черная вдова, или Ученица Аль Капоне
Нежная стерва, или Исход великой любви
Первая леди города, или Между двух берегов
Госпожа страсти, или В аду развод не принят
Карающая богиня, или Выстрел в горячее сердце
Королева мести, или Уйти навсегда
Роскошная хищница, или Сожженные мосты
Хозяйка жизни, или Вендетта по-русски
Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы
Инкогнито грешницы, или Небесное правосудие
Визит с того света, или Деньги решают не все
Судьбу не изменить, или Дамы выбирают кавалеров
Охота на мстителя, или Дамы убирают кавалеров

Сериал «Танго под прицелом»

Мэри, или Танцы на лезвии
Марго, или Люблю-ненавижу
Алекс, или Девушки любят негодяев
Дар великой любви, или Я не умею прощать
Финальный танец, или Позови меня с собой

Ты выбрала сказку, в которой сможешь выжить?

МАРИША КРАМЕР

МОЕ ЖЕСТОКОЕ
СЧАСТЬЕ, или
Принцессы тоже плачут

Москва

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Разработка серийного оформления
С. Прохоровой

Крамер, Марина.

К77   Мое жестокое счастье, или Принцессы тоже плачут : [роман] / Марина Крамер. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер).

ISBN 978-5-04-089801-5

Все как в сказке: недобрый отчим и прекрасная падчерица, которая вынуждена уйти из дома и побывать в плену у разбойников, пока за ней не явится прекрасный принц. Хотя самое главное начнется как раз там, где сказка заканчивается: у Алининого мужа Гриши, того самого благородного принца, проблемный бизнес, не самые надежные друзья, вдобавок отношения с законом складываются не лучшим образом. Но ведь сказка на то и сказка, чтобы у принцессы всегда оставался шанс на чудо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089801-5

© Крамер М., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Дневник

«Если мне вдруг приходит в голову оглянуться назад, то я всегда почему-то думаю: это не я, а два разных человека живут по одному паспорту. Все у них одинаковое — данные, фотография, а сами они разные. Разве кто-то признал бы в длинноволосой блондинке в красном халате, курящей сигарету и восседающей в кресле на втором этаже загородного особняка, девочку в белой больничной робе? Да ни за что. Но это одна и та же женщина, уж поверьте мне, я-то это знаю, как никто...»

...Ей двадцать три года. Высокая худощавая блондинка с ярко-зелеными глазами, эффектная и видная, она в очередной раз бросила институт и работает сестрой в больнице, в самом грязном и тяжелом отделении — в хирургии. Бомжи, алкаши, пьяные, трезвые, резаные, колотые — все это их контингент. Когда видишь это постоянно, создается ощущение, что нормальных мужчин просто не существует — только это быдло. И что интереснее всего, едва отлежавшись, они начинают лезть под юбку, страшно оскорбляясь, когда им отказывают. Алена так и делает, причем в

грубой форме — иначе не доходит. В конце концов, она у себя одна, а кроме того, ревнивый муж прибил бы ее на месте, если бы в чем-то заподозрил. А это с ним происходит регулярно — он ревнует ее к любому, кто попросит передать деньги кондуктору, не говоря уже ни о чем большем.

Как ее угораздило выйти замуж за вспыльчивого, ревнивого и неуравновешенного Вадима — сама до сих пор не понимает, хотя мается уже третий год.

Возможно, этого брака и не было бы, если бы не мать и Алик...

Отчим, молодой, здоровый кобель, начал приставать к двадцатилетней тогда еще Алене через неделю после появления в их с матерью двушке. Огромная горилла с накачанными бицепсами и полным отсутствием серого вещества — Алена всегда удивлялась, что мать вообще в нем нашла? Он прохода девушке не давал, стараясь ухватить то за грудь, то за зад, а однажды просто вырвал задвижку на двери в ванную и, притиснув к стиральной машине, порвал Аленины нехитрые штотки вместе с бельем.

— Ну, куда ж ты, дурочка? — хрипло шептал Алик, пытаясь преодолеть сопротивление. — Я ж тебя не обижу...

Если бы не стаж работы в отделении, где приходилось иной раз самим утихомиривать буйных больных, ей вряд ли удалось бы вырваться от излишне любвеобильного «папика». Ударив его в пах коленом, а потом добавив по темени большой железной кружкой, в которой крахмалился колпак, Алена подперла дверь ящиком для обуви, наскоро оделась и выбежала из квартиры.

Прослонявшись по городу до позднего вечера, позвонила Вадиму, с которым встречалась около года.

— Вадик, у меня проблема.

— Что? — обеспокоенно спросил тот.

— Ночевать негде, — честно призналась Алена.

— Опять поцапались?

— Хуже, — со вздохом проговорила она, прислонившись спиной к стеклу телефонной будки. — Я ему голову разбила.

— Приставал? — грозно спросил Вадька, не раз и не два слышавший от нее истории на эту тему.

— А ты как думаешь? Неужели я от скуки ему по репе двинула?

— Ты где сейчас?

— Стою в центре, у кинотеатра «Русь».

— Деньги есть?

— Рублей десять.

— Так, не дергайся, сейчас приеду, — пообещал он, кладя трубку.

Алена села на скамейку, натянув на замерзшие руки рукава старенькой джинсовки. «Ну что за жизнь? Молодая, говорят, красивая, фигура хорошая, и мозги вроде тоже при мне, в институте училась, а живу... теперь вот даже ночевать негде».

Дневник

«Маман, разумеется, поверит своему Алику, вечно я у нее во всем виновата — и что жизнь ей испортила, и что денег мало приношу, и что мужики ее на меня вечно облизываются. А зачем было

рожать в четырнадцать лет? Просила я ее, что ли? И теперь ситуация: дочери двадцать, а матери тридцать четыре! Было бы куда уйти — даже не задумалась бы, но общагу ни в институте, ни в больнице не дают, потому что городская».

Вадим бежал, оглядываясь по сторонам, искал свое сокровище, которое уже совсем примерзло к мраморной скамье. Был он высок, в меру худощав, хотя и совсем не спортивен, очень следил за собой. Как обычно, принес шоколадку, поцеловал Алену, обнял:

— Ну, поехали?

— Куда?

— Ко мне. Я с предками переговорил, хватит нам уже по друзьям шататься, давай жить, как все люди.

— Это что — предложение? — удивилась Алена, зная, что его родители не одобряют их отношений, более того — мать категорически против.

— А ты не согласна? Или выбор есть?

Вот она, ключевая фраза, — нет у Алены выбора.

Семейная жизнь началась с этого высказывания об отсутствии выбора и продолжалась в том же ключе все три года, вплоть до вчерашнего вечера, когда подвыпивший муж прилично поддал Алене за отказ разделить с ним супружеское ложе, то есть диван.

Глядя утром в зеркало, она едва не ревела от злости — фингал во весь правый глаз, губы опухли, на руках — кровоподтеки. Порезвился Вадик... Сейчас на работу придется идти в солнеч-

ных очках. И это в декабре-то! Ладно, была бы дорого одета, сошла бы за модную, но в китайском пуховике и старых сапогах...

— Вот же сволочь, а? — разглядывая приобретенное «украшение» в зеркале, пробормотала Алена и вышла на кухню, налила себе кофе под пристальным взглядом свекрови, вынула сигарету.

— Опять?! — вздернула та тщательно выщипанные брови. — Алена, я же просила! Это неприлично!

— Да? — усмехнулась Алена. — А на работу идти в таком виде — прилично?

Сняв очки, она продемонстрировала свекрови синяк, кое-как замазанный тональным кремом.

Свекровь отставила на блюде фарфоровую чашечку с кофе, зачем-то дотронулась кончиками пальцев до кружевного жабо голубой блузки, поправила убранные в строгую прическу волосы.

— Что это? — спросила она, стараясь не смотреть на посиневшую скулу и заплывший глаз невестки.

— Да бросьте вы, Регина Аркадьевна! — с досадой ответила Алена, возвращая на прежнее место очки. — Вы прекрасно знаете — что. Можно подумать, ваш сын первый раз меня бьет!

— Значит, ты этого заслуживаешь, Аленушка! — отрезала свекровь, моментально приготовившись отражать нападение, если оно вдруг последует. — Мой муж никогда не позволяет себе поднять на меня руку.

— Тогда где же Вадим этому научился? — поинтересовалась Алена, отставив чашку с кофе и в

упор глядя на свекровь поверх неуместных солнечных очков. — И что значит — заслуживаю, интересно? Чем? Тем, что горбачусь в больнице и прихожу ночевать домой два раза в неделю, в то время как он лежит на диване и спускает все, что я зарабатываю?

— Он ищет работу, ты ведь знаешь.

— Все два года? Он окончил институт и рад возможности ничего не делать. А я опять бросила учиться, потому что жить нам не на что, а брать у вас я не могу. И после всего этого он еще и лупит меня — не слишком ли?

— А ты подумай, где оказалась бы, если бы Вадим не привел тебя к нам в дом! — немедленно предложила свекровь, никогда не упускавшая возможности напомнить невестке о своем благодеянии.

Разговаривать бесполезно: свекровь, такая идеальная, ухоженная и правильная, никогда не понимала и не желала понимать Алену, которую терпела, зажав нос. Как помойную кошку, что принесло в дом любимое чадо ради озорства.

Алена вымыла кружку и пошла в коридор. Из комнаты вынырнул лохматый и похмельный Вадим.

— Денег оставь! — велел он, протирая заспанные глаза.

— Пошел ты! — процедила она, пытаясь справиться с заевшей молнией на пуховике. — У мамы возьмешь! — Захлопнув дверь перед самым его носом, она, не дожидаясь лифта, побежала по лестнице вниз.

Зима никак не желала становиться нормальной сибирской зимой, постоянно удивляла то резкой оттепелью, то снегопадом и заморозком. Сегодня под ногами чавкало и хлюпало, посыпанный специальной смесью снег растаял и напоминал грязно-серую кашу. В такую погоду и люди выглядели какими-то серыми, съезжившимися. На остановке находилась толпа, автобусы ходили редко. «Да что ж такое-то, — с досадой подумала девушка, напряженно вглядываясь в ту сторону, откуда должно было подойти маршрутное такси. — И так денег нет, теперь еще и за маршрутку рассчитываться». Но вот показался «пазик», и Алена вместе с толпой двинулась к нему. Пробравшись на заднюю площадку, она забилась на сиденье в самый угол, подняла воротник пуховика и отвернулась к окну, чтобы хоть как-то оградить себя от любопытных взглядов соседей.

Переодеваясь в персоналке в костюм, Алена поймала на себе взгляд напарницы Таньки. Веселая, миловидная брюнетка чуть постарше самой Алены, Танька была, пожалуй, единственной ее приятельницей.

— Опять? — с сочувствием спросила она.

— Ой, Тань, давай не будем! Свекровь меня все утро полоскала, и ты еще!

— Слушай, ну наберись ты смелости и вали от него! Дураку ясно, что дальше будет только хуже. — Танька красила перед зеркалом свои пухлые губы, тщательно накладывая помаду кисточ-

кой. — Посмотри, на кого ты похожа, ведь ужас! Красивая, стройная, интересная — а выглядишь дешевкой, ей-богу, да еще и постоянно в синяках! Ты вокруг-то оглянись, на тебя ведь вся ординаторская облизывается, и не только наша, между прочим!

— И что? Начать соглашаться на каждое предложение? Проблем-то не убавится, скорее наоборот, меня тогда Вадька точно пришибет. Помнишь, на прошлый Новый год чем дело кончилось, когда меня заведующий танцевать пригласил в кафе? Этот дурак мне три пальца сломал.

— А ведь я тебе говорила, не бери его с собой. Вечно ты в Тулу со своим самоваром! Любовь, блин! — фыркнула Танька, убирая помаду в косметичку.

— Господи, да какая там любовь! Мне идти некуда, ты ведь знаешь! Любовь! — Алена возмущенно передернула плечами. — Пойду я накрываться, а ты старшей шепни, что я на планерку не выйду — куда с такой мордой?

— Хорошо. Ты дежуришь сегодня?

— Да, полторушка.

Танька убежала на планерку, а Алена побрела в свою перевязочную, извлекла там из бикса хирургическую маску, которая закрывает всю голову и лицо, оставляя только глаза, нацепила ее, спрятав волосы. Фингал, конечно, все равно виден, но поменьше все-таки. Да и не впервой — все отделение в курсе ее бурной личной жизни, очень уж она наглядная, жизнь-то.

Сейчас уже никто из докторов не изощряется в остротах по этому поводу, а вот раньше! Алена постоянно плакала от стыда и обиды, пока наконец сам заведующий не запретил комментировать ее синяки и ссадины, которыми очень часто оказывались украшены Аленыны лицо и руки. Никто не мог понять, почему она позволяет своему мужу вытворять такое, но что — каждому лично объяснять?

— Ох, горе ты, Аленка, горе! — делая пункцию больному, говорил пожилой Андрей Сергеевич. — Такая видная девка, а живешь с идиотом. Дала бы сдачи разок, он бы в другой раз думал.

— Ага! — усмехнувшись невесело, проговорила Алена. — Мечтаете лицезреть меня в собственном отделении на койке, а не в перевязочной?

— Нет, подозреваю, что у него сразу же пропала бы охота тебя трогать.

— Не думаю, Андрей Сергеевич, — она начала собирать инструменты. — Человек, однажды ударивший женщину, уже не остановится.

— Ну, ведь умница, сама все прекрасно понимаешь, а делаешь глупости.

Подобные разговоры он заводил с ней постоянно, жалел, относился по-отечески, но безрезультатно — уйти от мужа Алена не могла, оставалось терпеть.

...После обеда, часа в четыре, когда дневная смена начала собираться домой, она прилегла на кушетку в персоналке и задремала. Девчонки ее не трогали, знали, что спит она чутко и сразу вскочит, если будет надо. Но сегодня ничего не

происходило, поступлений не было, и Алена спокойно проспала до шести вечера, когда нужно было делать уколы и капельницы.

Она уже почти закончила, когда прибежала Милочка, дежурившая на посту. Она работала два месяца, всего боялась и, чуть что, впадала в панику. Если что-то случалось, ее удлиненное личико выражало испуг и растерянность, Милочка начинала бестолково метаться по коридору, совершенно теряя голову. Вот и сейчас она влетела в процедурный кабинет и, округлив глаза, зачастила:

— Алена, позвонил ответственный врач, велел готовить спецпалату, сейчас какого-то крутого поднимут! Говорит, даже с охраной!

— Ну иди, готовь, — пожала Алена плечами.

— А заведующий завтра что скажет, а? Ведь без его ведома...

— Милка, не дури мне голову — ответственный распорядился, значит, все! Наше дело маленькое.

Милочка убежала, а Алена села вместо нее на пост. Буквально через двадцать минут на площадке щелкнули двери лифта и послышался резвый топот и скрип каталки. Увидев перед собой шестерых бритых крепких парней в кожанках, Алена слегка струхнула. Один, навалившись грудью на барьер поста, рывкнул ей прямо в лицо:

— Чего расселась, кукла? Где нам тут палату обещали?

— Где история болезни? — взяв себя в руки, спросила девушка.

Тонкая папка шлепнулась на стол.

— А теперь оторви зад и проводи! — приказал браток.

— В конец коридора, там направо, сами не заблудитесь, — ответила Алена, записывая данные в журнал, и в тот же миг сильные руки подняли ее за костюмную рубашку и перекинули через пост, уронив на пол. Она упала на четвереньки прямо рядом с каталкой, та же рука взяла ее за шиворот и поставила на ноги.

— Я не понял — ты сильно грамотная? — лениво произнес браток. — Сейчас под второй глаз фару нарисую.

— Не надо, — попросила Алена, пытаясь стоять ровно и не трястись. — Идемте.

На всякий случай она даже не взглянула на больного, лежащего на каталке, вообще боялась оглянуться или сделать лишнее движение, памятуя о перелете через пост. В палате все было готово — постель расправлена, свет горит...

— Перекладывайте на постель, — сказала Алена парням, вошедшим за ней, и убрала одеяло.

Они легко подняли лежащего на каталке и бережно опустили на кровать. Девушка приблизилась, чтобы накрыть его одеялом, и замерла.

«Господи, я подобного и не видела никогда», — пронеслось в Алениной голове. Перед ней лежал такой мужчина, что у нее заныло внутри от желания хотя бы просто прикоснуться. Поспешно накинув одеяло на это великолепное тело, Алена, вспыхнув, выскочила из палаты. За